

В феврале 1975 г. авторы этих строк совершили поездку в Южную Туркмению с целью изучения фольклора выходцев из Ирана и Афганистана, проживающих в настоящее время в Серахском районе Ашхабадской области Туркменской ССР. Это немногочисленное ираноязычное население представлено этническими группами систанцев (систуни), джемшидов, теймури, берберы и белуджей. О существовании в этом районе ираноязычного населения впервые стало известно одному из авторов настоящей информации в 1958 г., тогда же им было предпринято изучение персидского диалекта систанцев¹.

В процессе изучения диалекта были записаны образцы систанского фольклора на особой форме наддиалектной речи, близкой к хорасанской разновидности персидского языка. Судя по этим образцам, можно было предполагать наличие богатого и разнообразного фольклора, сохранившегося среди выходцев из Систана.

Во время двухнедельного пребывания в Серахсе нами записано на магнитофон значительное количество фольклорных текстов, среди которых особый интерес представляет цикл сказаний о Рустаме и его потомках Барзу, Азербарзу, Фаромарде и Теймуре. Рустам — главный герой знаменитого иранского национального эпоса «Шахнаме», родиной его традиционно считается Систан. Эти сказания — ритмизованная, местами рифмованная проза, с небольшими стихотворными вставками. Стил ь записанного нами текста (многочисленные устойчивые формулы, применяемые для характеристики персонажей и их деяний, повторяющиеся сюжетные ходы, несколько архаичная лексика) свидетельствует о существовании длительной устной эпической традиции, явно не восходящей к каноническому тексту «Шахнаме» Фирдоуси. И хотя отношение систанских сказаний о Рустаме, Барзу и Азербарзу к другим изводам иранского эпоса («Барзу-наме», «Азербарзин-наме» и др.)

еще не исследовано, тем не менее нельзя предполагать, что записанные сказания являются простым воспроизведением каких-либо письменных текстов, так как и наш сказитель, и его отец (простой пастух), от которого он слышал все эти предания, не умели читать по-персидски. Сохранение иранской эпической традиции в форме сказаний о систанском герое Рустаме именно в Систане, возможно, свидетельствует о непрерывности этой традиции и о том, что она восходит к исконно систанским (сакским) преданиям о Рустаме, послужившим одним из фольклорных источников всех вариантов иранского национального эпоса.

В Серахсе было записано также большое количество фольклорных произведений других жанров. Среди них значительное место занимают лирические народные романы—дастаны («Хотам и Тай», «Варка и Гульшо», «Наджмо»), для которых характерны многочисленные стихотворные вставки. Эти вставки поются рассказчиком на определенную мелодию, одну для всех вставок такого рода, по крайней мере в пределах одного дастана. Жанр плутовского народного романа представлен в наших записях обширными текстами «Ширавия» и «Хусайни Курд». Волшебные сказки («Месяц и две звезды», «Лист сорokoустого дерева», «Бурый кит», «Ландаур», «Девушка-гадальщица» и др.), в целом, традиционны, но отличаются оригинальностью и яркостью изложения. Высокое мастерство и артистизм исполнения вообще присущи нашему основному информатору по систанскому фольклору Исмаилу Ярмamedову, человеку глубокой внутренней культуры, с большим энтузиазмом относящемуся к фольклорным традициям своего народа. Жаль, что за последние 15—20 лет мы были, пожалуй, его единственными слушателями, поскольку здесь, как и всюду, устное народное творчество не выдерживает конкуренции с радио, кино и телевидением.

Авторы предполагают опубликовать материалы по систанскому фольклору после соответствующей обработки и проведения исследования.

А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский

¹ См. А. Л. Грюнберг, Систанский диалект в Серахсе, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», № 67, М., 1963, стр. 76—86.

В августе — сентябре 1974 г. среди хантов р. Юган Сургутского района Ханты-Мансийского национального округа работал этнографический отряд Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета. В отряд входили научные сотрудники лаборатории Н. В. Лукина (руководитель) В. М. Кулемзин и кемеровские археологи Н. В. Бобров и А. М. Кулемзин (последние выполняли графические и фотопробы). Сбор полевых материалов производился в основном в пос. Каюково (бывшие юрты Рыскины), где проживают почти исключительно ханты. Целью экспедиции было изучение традиционной материальной и духовной культуры народа.

Уже при первом внешнем ознакомлении создалось впечатление, что в материальной культуре хантов р. Юган имеется ряд оригинальных черт, не свойственных соседним группам этого народа; своеобразием отличаются религиозные представления. Собранные материалы позволяют предположить, что формирование этой группы хантов происходило не одновременно; наряду с местными корнями в ней выявляются и пришлые элементы. Особенно тщательно изучались оленеводство, средства передвижения, одежда, обувь и утварь. В отличие от соседних групп хантов на Югане известен тип оленней нарти, по конструкции аналогичной ручной или собачьей, но больших размеров. Отмечено также, что мужские и женские лыжи различались здесь по форме. Привлекает внимание весьма слабое распространение глухой

одежды. Мужчины и женщины носят здесь распашную верхнюю одежду одинакового покроя. Характерной особенностью обуви является широкое применение в качестве украшения мозаики из ровдуги — белой и окрашенной корой лиственницы, сохраняется также шитье оленьим волосом. Впервые зафиксированы у хантов летние очаги, прямоугольные или круглые в плане, со стенками, обмазанными глиной.

Получены сведения о трех группах, на которые делились ханты р. Юган — *Пупи-сир* (*пупи* — медведь), *Нёх-сир* (*нёх* — лось) и *Мах-сир* (*мах* — бобр); собраны термины родства и антропонимы, зафиксированы тамги, орнаменты и определения цветовой шкалы. Записаны некоторые произведения фольклора, рассказанные на русском языке. Собирали материал по космогоническим представлениям и представлениям о загробной жизни, о похоронном обряде, о душах, духах и других сверхъестественных существах; выяснялось понимание сущности живых и неживых предметов. Удалось посетить культовый лабаз духа Эвут-ими и ознакомиться с содержанием лабаза, а также осмотреть изображение духа Сох-юх-ики.

Все материалы — записи, зарисовки и фотографии, отдельные виды одежды и обуви, утварь, оригинальный инструмент для обработки шкур, мышеловка, штампы для нанесения узоров на бересту, сухожильные нитки, музыкальный инструмент и национальные куклы — поступили в Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета.

Н. В. Лукина